

Разъ уже мы заговорили объ вышеуказанныхъ произведеніяхъ въ разсматриваемыхъ книжкахъ, то, минуя неоконченные «Миражи» г-ни Шапиръ, «Поэтичекъ» г. Михалкова и «Книжечка» г. Боборыкина, умѣстно будетъ теперь же остановиться на драмѣ г. Ан. Чехова — «Ивановъ» (*Смеси. Вѣсти.*), вышедшій, какъ извѣстно, тѣлой успѣхъ на сценѣ. Нужно сказать, что и по на этомъ успѣхѣ основывается право драмы г. Чехова на вниманіе, а на несомнѣнныхъ достоинствахъ ея. Въ выйдѣ для всаго интереснаго.

Въ «Ивановъ» мы и имѣемъ именно

вопросъ, скорѣе чѣмъ рѣшеніе его. Глав-
ное дѣйствующее лицо, Ивановъ, что онъ
такое въ сущности—остается вопросомъ.
Каждый не можетъ не согласиться, что
если онъ—не «типъ», въ высшемъ зна-
ченіи этого слова, то несомнѣнно удачно
описанный «характеръ»,— характеръ
русскій и именно современный русскій ха-
рактеръ. Но дальѣ рѣшеніе вопроса за-
труднено. Всѣ окружающіе его думаютъ
о немъ разнo. Одни считаютъ его прямо
«плодземлемъ»; но читатель видитъ ясно,
что это неправда. Другіе смотрятъ на
него сверху внизъ, какъ на нѣчто вы-
шнее, блестящее, отличающееся необыкно-
веннымъ умомъ и столь же необыкновен-
ной честностью. Но читатель во второй
разъ видитъ, что и это—совершенная
неправда. Но если такъ, скажете чита-
тель,—если неправда, что Ивановъ не че-
стенъ, а въ то же время неправда, что
онъ честенъ и уменъ, то выходитъ, что
онъ ни то, ни се. Пожалуй, это будетъ
вѣрно, и каждый русскій, каждый «Ива-
новъ», ему же нмѣя—легкомысленно, представ-
ляетъ собою, вообще говоря, постояннѣе
ни то, ни се. Ивановъ, читатель это видитъ,
честный человѣкъ, а между тѣмъ онъ жи-
ветъ и поступаетъ совсѣмъ несообразно

съ простыми требованіями чести, онъ
уменъ, но право, кажется, ничего не дѣ-
лаетъ, кромѣ глупостей. Можно сказать,
что онъ вѣчно дѣйствуетъ очертя голову.
И ничего путнаго не создается изъ его дѣй-
ствій. Онъ сознаетъ это, но не въ си-
лахъ побороть себя, заставить себя дѣй-
ствовать согласно съ разумомъ, а непод-
чиняясь первому побужденію безвольной
натуры. Онъ сознаетъ это—и вотъ по-
редъ нами «нытнѣ», человѣкъ вѣчно жа-
лующійся на себя и на враждебныя об-
стоятельства, ни пальцемъ не желающій
шевелить, чтобы поработать надъ собою
и противъ враждебныхъ обстоятельствъ.
Гдѣ причина этого—неизвѣстно, откуда
эта апатія и безволие—Богу вѣсть. Но
таковъ фактъ, таково явленіе, и оно от-
мѣчено авторомъ прекрасно.

Рядомъ съ большими достоинствами, въ
пьесѣ г. Чехова есть, впрочемъ, и боль-
шіе недостатки. Быть можетъ, эти недо-
статки составляютъ слѣдствіе молодости
дарованія, сохранившаго, какъ мы видимъ
теперь, такую свѣжесть и непосредствен-
ность, какія трудно было, по праву
сказать, ожидать послѣ того, какъ это
дарованіе подверглось столь сильнымъ по-
пытаніямъ на безплодныхъ неважнѣй-

шекаго остроуміи. Такъ или иначе, но
большіе недостатки существуютъ въ пьесѣ
г. Чехова. Первый и самый крупный не-
достатокъ—это отсутствіе обработанныхъ
характеровъ среди второстепенныхъ лицъ
пьесы. Можно еще сказать, что автору
очень удался характеръ современнаго
счастливаго человѣка въ лицѣ доктора
Львона, отъ приполющенной честности
котораго никому нѣтъ вѣтъ, который ко
всякому пристаесть, всякого судитъ и все
смысляетъ, и все, конечно, мимо дѣли и мимо
пониманія. Но затѣмъ, кромѣ этого Льво-
на—рѣшительно характеровъ нѣтъ.
Напр., развѣ это значитъ изобразить ха-
рактеръ—заставить человѣка при каждомъ
выходѣ говорить исключительно и непре-
менно о томъ, какъ онъ пошелъ съ
трефъ, а его партнеръ (шибеи и пр.
(акцизный Косыхъ)? Авторъ не остере-
лся и непослѣднѣе выпустить въ свѣтъ
свою пьесу, недостаточно ее обдумавши
и отбѣлывши. Пьесѣ вредитъ также не-
обыкновенное обиліе вводящихъ къ дѣ-
лу неотносящихся сценъ и разговоровъ.
Мы очень хорошо понимаемъ, что авторъ
старался описать среду, въ которой жи-
ветъ Ивановъ, людей, которыми онъ окру-
женъ; но едва ли для этого дозволитель-
но, въ ущербъ единству впечатлѣнія и въ
сомнительную пользу для характеристикъ
общества, нѣсколько сценъ отдавать на
карточные разговоры или на пьянство
второстепенныхъ лицъ пьесы. Авторская
неопытность, неумѣнье распорядиться сво-
ими силами сказывается въ этихъ недо-
статкахъ. Но, указывая ихъ, мы снова и
снова повторимъ, что пьеса г. Чехова—
произведеніе живое, нешаблонное, послѣ-
щее на себѣ печать оригинальности и
таланта.

Переходя къ серьезнымъ статьямъ, ко-
торыми, нужно замѣтить, крайне не бо-
гато разсмотрѣнныхъ книжекъ, мы дол-
ны прежде всего остановиться на замѣткѣ
знаменитаго писателя Ив. Ал. Гончарова—
«Нарушеніе воли». Знаменитый романистъ
протестуетъ противъ распространяемаго
обычая—по смерти большаго обще-
ственного дѣятеля, а иногда даже и пред-
де его смерти, предавать тисненію и пу-
бличности его домашнюю жизнь, его ин-

<...>

Ар.

<А.И. Введенский>